

Штемпели Москвы: 25.XII.24; 28.12.24.

¹ Первый роман Сергея Антоновича Клычкова (1889-1937, расстрелян) — «Сахарный немец» (1925).

² Речь идет о «Русском Современнике» (1924), по характеристике В.В. Вейдле (одного из его сотрудников) — «последнем не-казенном, последнем свободном (пусть и не полностью) журнале, открыто издававшемся в пределах нашего отечества» (Вейдле В.В. Журнал *Русский Современник* // Русский Альманах. Париж, 1981. С.393). В редакцию входили Горький, А.Н. Тихонов, К.И. Чуковский, А.М. Эфрос и Е.И. Замятин. Журнал был встречен с единодушной враждебностью в официальной советской прессе и был закрыт в конце 1924.

³ Имеется в виду повесть «Конь вороной» В.Ропшина (Борис Викторович Савинков; 1879-1925), одного из лидеров партии эсеров, члена ее боевой организации. Опубл. в конце 1923 в Париже, а в 1924 в России.

⁴ Ср. запись Л.Горнунга от 21 марта 1924: «Сегодня в литературном кружке у Петра Зайцева был вечер Максимилиана Волошина /.../ На чтении стихов среди присутствовавших был и Борис Пастернак» (Горнунг Л. Встречи за встречей // Литературное обозрение. 1990. №5. С.102).

⁵ По-видимому, имеется в виду Филипп Вермель, брат поэта Самуила Матвеевича Вермеля (1892-1972), автора сб. «Танки. Лирика» (М.: «Студия», 1915). Филипп Вермель выпустил один сборник стихов в 1923 — «Ковш» (М.: «Дельфин»).

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЕРЕПИСКА А. БЕЛОГО С СОВЕТСКИМИ ИЗДАТЕЛЯМИ И ПИСАТЕЛЯМИ В 1920-1930

I

Письма по поводу напечатания книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"»

а

[до 15 апреля 1928]

К Издательству [«Никитинские субботники»]
(Для читающих рукопись, или ее набирающих.)

Взяв из «Издательства» рукопись, я нашел ее в беспорядке; 1) чертежи не были вместе; 2) «приложение» было всунуто в середину текста.

Смысл всей работы — в вычислениях; отчетливость чертежей, построенных на месячных, изнурительных вычислениях,

должна быть *безукоризненна*. Эта книга взывает к тщательному набору, к тщательному воспроизведению схем и системы обозначений. Взяв рукопись для исправления, я нашел ее в *хаотическом виде*, несмотря на то, что для цензуры даны отдельные экземпляры.

Обращаю внимание издателей на то, чтобы они *бережнее обходились с текстом*, без чего они сами себе затруднят работу издания.

Андрей Белый

РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.21. На письме карандашом рукой П.Н. Зайцева написано: «1928. "Никитинские субботники"». См. скоее по содержанию письмо №22 Белого Зайцеву.

В сентябре 1928 рукопись книги «Ритм как диалектика и "Медный всадник"» была взята из изд-ва «Никитинские субботники» и передана в «Федерацию». 27 октября Белый подписал договор с ней. В этой же единице (Л.11-18) есть и длинное письмо Белого от весны 1929 С.Я. Штрайху, в то время работающему в «Федерации», о гранках книги. В своих воспоминаниях о Белом (С.572) Зайцев пишет: «Знал, что, получая для авторской корректуры гранки, Борис Николаевич приходил в полное отчаянье, так плохо был сделан набор». В письме (машинопись, с примечаниями Зайцева) Белый писал:

б

Уважаемый тов. Штрайх!

Позвольте мне Вам высказать несколько чисто принципиальных соображений о методе набора и корректурной правки моей книги «*Ритм как диалектика*», без усвоения которых техническим аппаратом людей, ведающих выпуском книги, она *не может появиться в свет*, ибо она в том виде, в каком ее набирают и правят, — бессмыслица. Я очень прошу обратить внимание на мои слова, ибо в том виде, в каком я получил корректуры, я не могу править их; и — впредь отказываюсь; или пусть меня на время набора книги возьмут в Издательство на должность корректора.

Что было бы, если б учебник алгебры набирали так, что обращали бы внимание на слова, а формулы воспринимали бы как какое-то «*трень-брень*». Тогда алгебра перестала бы быть алгеброй, а стала дичью. /.../

Что было бы, если бы наборщики отказались понимать корректурные знаки, традиционно принятые; не понимали бы, что значит: /, $\sqrt{\quad}$, $\checkmark$ и т.д.

Тогда *вообще книг* нельзя было бы набрать.

Все это я должен высказать, ибо 1) наборщики не набрали верно ни одного метрического знака, тоже принятого всеми на-

родами в столетиях, как «— / », «— / —» и т.д., а корректор, тщательно *правя* слова, относился к обозначениям, *четким в рукописи*, как к какому-то «трень-брень», т.е. ни одна метрическая формула не поправлена.

Книга же моя в тексте есть лишь пояснение знаков, к набору которых надо *Н-А-И-С-Т-Р-О-Ж-А-Й-Ш-Е* отнестись.

Ведь ошибка в одной только формуле аннулирует смысл десятков словесных страниц.

Ставится знак вопроса: возможно ли в 20-м веке напечатать книгу по стиховедению (в 15-м, 16-м, 17-м, 18-м, 19-м веках это было возможно; вдруг — стало невозможно). /.../

Если нет наборных знаков, надо уведомить автора, условиться в обозначении недостающих знаков, чтобы автор в первую голову оповестил читателем /.../ читать-то будут читатели, ведающие метрические формулы: они ведомы всякому курсанту.

Если написано — (удар над чертой), то и надо набирать так; если «— / » (удар *после* черты), то опять таки надо так набирать; нельзя смешать «— / » с «— / ».

В наборе все это смешано; ни единой ошибки в формуле не исправил; автор получил корректуры без полей и схватился в ужасе за голову: *если не понимают* четко написанных традиционных знаков, он не может даже и исправить. /.../

Книги по стиховедению и доселе печатаются; формулы набирают и по сие время. Стало быть набор и небрежность корректора — «небрежность» или сознательное игнорирование «смысла», ибо в книге, посвященной математическим вычислениям, метрические формулы суть *Ф-О-Р-М-У-Л-Ы*, где каждый значок, его размер, положение, где количество одинаковых значков играет роль ббльшую, чем словесный текст (который лишь комментирует формулу).

У меня написано ---- (т.е. 5 неударных), набирают — «---», «--», «-----» (совершенно бессмысленно), а корректор, сверяя, не считает количество знаков; и получается: автор, написав «--- / », говорит о *пэоне* (знак пэона), а в тексте стоит «---», т.е. *трибрахий* (нечто другое). Так набирать нельзя, ибо все равно; *так набранное рассыплется*; автор не может допустить превращение формул в «трень-брень».

И будто трудны эти знаки? Они стары как мир; в каждой типографии имеются; надо только иметь глаза и понимание не больше, чем понимание корректурных знаков. /.../

Вообще надо точно видеть, что стоит в тексте, а не фантазировать знаками /.../; если наборщики отдаются фантазиям, путают знаки, /.../ то надо им внушать, что набирается не «трень-

брень», а книга, посвященная формулам и вычислению. И уж, конечно, корректору надо с особою пристальностью разобрать набор, *сверив с текстом форму знаков, их количество, их группировку*. Самое удивительное в том, что корректор, правя слова, относится к формулам, как к какому-то птичьему чириканью; если он в первый раз встречается с метрическими знаками, то *тем педантичнее он должен вникать* в оригинал.

Если же он возлагает корректуру (т.е. искоренение «гор бес-*смыслиц*») на автора, то он должен озаботиться аршинными полями, а не узкой каемочкой /.../

Это чисто принципиальные соображения — вот почему:

1) Автор не может, зачеркнувши весь набор и не имея возможности исправить, посвящать «томы» комментариев набору.

2) Книга не может печататься, если ни наборщики, ни корректора не вникнут в начертания и организацию весьма простых знаков, принятых во всех странах уже века, и имеющихся всюду, ибо книги по стиховедению выходят в России.

Извиняюсь, если вынужден писать Вам в тоне сетований; но надеюсь, что Вы внушите корректору, что и мне, и ему, и И[з-дательст]ву будет легче, если он осмысленней отнесется к правке формул, очень простых, очень четко написанных. /.../

II

Письмо в изд-во «Никитинские субботники»

[18 декабря 1928]

Многоуважаемый товарищ корректор,

Просматривая корректуру и видя ряд вопросительных знаков я полагал, что они суть выражения Вашего недоумения. Спасибо за внимание, но ряда вопросов в свою очередь не понимаю; и мог бы присоединить к Вашим вопросам свои вопросы.

Что касается до цифр, стоящих после каждого стихотворения, то это — года написания; их объяснение — в предисловии; года написания сопровождают стихи; это обычай от Пушкина до нашего времени, имеющий свое значение для историков поэзии.

Переиздание книги, вышедшей в первом издании 20 лет назад, тем более обязывает автора ставить года написания, а года в скобках — года ретуши, правки; в предисловии объяснено, что

08 значит 1908 год, а не 1808, ибо мне не сто лет. Раккурс — экономии набора.

Главное, все объяснено.

Другие же вопросительные знаки мне вовсе непонятны; они относимы не к ошибкам руки, глаза, ремингтона, а уже относятся к непониманию либо слов, либо синтаксиса; я их зачеркивал просто, ибо как это мне объяснять выражение «сереет часовой» (т.е. человек, одетый в серую шинель)¹; ведь тогда надо объяснять и выражение «чернеет галка»; или что означают знаки вопроса, сопровождающие слова «*верши*», «*бивни*»? Неужели незнание русского языка: «*верши*» — плетенки для ловли рыб, а «*бивни*» — боковые длинные зубы²; сравнение размоин мергелового слоя с «*бивнями*» — это, что ли, смущает? Но тогда смущает всякая метафора вообще, как «упал в обморок», ибо обморок не яма, куда падают, а состояние; и «форма знания» — метафора, ибо она — не гончарная форма.

Что означает вопрос при слове «*шинуаз*», как не незнание, что 20 лет назад еще танцевали кадрили, где была фигура, называемая «*шен шинуаз*» (китайская цепь)³.

Остальные знаки вопроса того же типа: если они относятся не к корректуре, а к «своеобразному» отношению к знакам препинания и синтаксису автора. Знаки препинания и синтаксис в пределах общих норм варьируются; и сами эти нормы — результат изучения приемов живого и художественного стиля; у Толстого «точка с запятой» стоит там, где Пушкин ставил точку, а у меня «*тирэ*» и две точки подчас заменяют голосовую паузу и оттенок «*потому что*»; когда «*потому что*» нет, что вполне правильно и вытекает не из незнания синтаксиса⁴; а из настолько им овладения, что следствием этого является обогащение русского синтаксиса, который искони развивали художники слова.

Я очень благодарен вопросам лишь в том случае, что они суть знаки внимательного отношения к корректуре.

Но если они суть критические замечания на полях или поправка моего синтаксиса, то я должен сказать, что я знаю, что делаю, ибо более четверти века пишу и более четверти века изучаю *словарь* и синтаксис русского языка; и, печатая свои книги, порой даю ряд указаний заранее, на что обращать внимание, ибо заранее знаю, что когда напишешь «*шкала*» наберут «*школа*», напишешь «*Кант*», а наберут «*Конт*», ибо и наборщики, и корректора имеют тенденцию поправлять автора от «*газетного языка*», который ¹/₁₀₀ лишь русского языка; только этим объяснимо непонимание слова «*взадуй*»⁵, ибо и корректор и газетный работник не сидели годами над «*Словарем русского языка*» Даля и не знают,

что от всякого глагольного выражения возможно словопроизводство; и говорят: ударились «вслезь», стала «взавертъ»; крестьянин поймет, что значит «взадуй», а испорченный укороченным словарем газет — не поймет; еще сто лет назад Пушкин гнал учиться языку «у просфирни» аристократов (это значило тогда: «ближе к народу»)⁶; вот я и учусь: и сознательно употребляю народные слова, и никогда не напишу безграмотного «представляет "из себя"», а «собою», потому что «из себя» выражение, несвойственное русскому языку⁷.

Знаки вопроса я зачеркнул, а это пространное объяснение написал для того, чтобы Вы, товарищ корректор, успокоились относительно моей грамотности.

Ряд строк *очень неразборчиво* набран; надеюсь, что в тексте книги будет не так.

Примите уверения в совершенном уважении

Андрей Белый

P.S. Считаю нужным заметить, что моя правка, *необходимая* для книги, всюду карандашом (черным), а не чернилами.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21). Машинопись. В конце машинописи стоит: «Оригинал П.З.» Имеется и примечание П.Н. Зайцева: «Бор. Ник. передал мне это письмо (оригинал) в незапечатанном конверте 18 декабря вместе с корректурой "Пепла". Он был сильно раздражен пометками корректора (?) на гранках "Пепла" и подозревает иную руку. Письмо переписано с сохранением орфографии. П.Зайцев». О подготовке переработанного издания «Пепла» в ноябре 1928 см прим.2 к письму Зайцева Белому от 1 ноября 1928. Книга вышла в 1929.

¹ См. четвертую строку одиннадцатой строфы стихотв. «Бегство»: «Опять просерел часовой» (Пепел. 1929. С.22).

² «Близ речки ставят верши» (IV, 1 стихотв. «Поля», 1908) (Пепел. С.118). «Как желтые, грозные бивни, / Размытые в россыпь полей, — / С откосов оскалились в ливни / Слои вековых мергелей» — вторая строфа четвертой части стихотв. «Бродяга» (1906-1908) (Пепел. С.31).

³ См. первые две строки второй строфы стихотв. «Праздник» (1908): «Контредансом, контредансом, / Завиваясь в "шинуаз"...» (Пепел. С.93).

⁴ «Не из» дважды подчеркнуто.

⁵ См. вторую строку пятой строфы стихотв. «Россия» (1908/1925): «Тучи — взпуски. Небо — взадуй...» (Пепел. С.14).

⁶ После слова «аристократов» есть примечание Зайцева: «(интеллигентов было написано и зачеркнуто: сверху надписано: аристократов. П.З.)».

⁷ «Из себя» и «собою» — дважды подчеркнуто.

Письмо по поводу напечатания романа «Маски»

Глубокоуважаемая товарищ Колесникова, Книгоиздательство «Зиф» просило меня сократить в романе «Маски» текст, чтобы он не превышал 25 печ. листов.

В настоящее время это сокращение я произвел.

По среднему подсчету в ремингтонном тексте было 654 страницы (не считая страниц с заглавием глав); считая печ. лист 40 000 букв в среднем за 23 страницы ремингтона, я насчитал в среднем 28 печ. листов и 10 страниц, т.е. $28\frac{1}{2}$ в среднем печ. листов. После сокращения по моему подсчету в 95 страниц ремингтонного текста осталось 549 страниц, т.е. $23\frac{20}{23}$ печ. лист: будем считать 24 печ. листа (не считая заглавий 10 глав).

Ввиду интонационного принципа романа («Маски» поэма, написанная дактилем, имеющая строчки и лишь для экономии места расставленная прозой), — во многих местах расстав интонационных фраз уничтожен; главные паузы, подчеркивающие интонацию, остались; на счет уничтожения расстава — главная экономия в тексте; но есть и сокращения.

Ввиду особенности романа, я считал *невозможным* уничтожить всецело принцип расстава, ибо это для автора значит: написать вторично роман уже до последней точки художественно измеренный и взвешенный. Но полагаю, что экономия $23\frac{20}{23}$ печ. листа вместо $28\frac{1}{2}$ бывшего текста достаточная; ибо ведь контракт на 25 печ. листов. А здесь их меньше.

Обращаюсь к Вам с покорной просьбой передать при сдаче рукописи в набор заведующему техникой печатанья мое письмо с указанием, как набирать, ибо экземпляр, над которым я работал, весь испещрен знаками (уничтожение расстава, правка текста, сокращения), а я не во всех знаках уверен. Кроме того: самое начертание строк (места с расставом) без указаний автора, как набирать и с чем считаться, представит некоторые затруднения. Опыт печатания моей ритмической прозы в «Федерации», в «Никит. Субботниках» показал: с объяснительным письмом набор идет гладко, а без — ужасная путаница, вводящая в ненужный расход по исправлению корректуры; автор зарезан, если правила расстава и набора в принципе не объяснить заведующему печатанием.

Итак, сердечно прошу Вас при сдаче рукописи передать письмо Заведующему техникой набора и при всех случаях до окончательного выпуска книги сохранить правленный экземпляр, ибо он — уникал: я десять дней работал над ним. И перенос правки на

имеющийся у меня экземпляр отнял бы у меня еще 10 лишних дней, которые заняты тем, что я спешно готовлю Вам «Начало века».

Кстати о «Начале века».

Рукопись готова на $\frac{3}{4}$; в последней четверти недописано страниц 50; и вся она взывает к переработке. Ввиду слабого здоровья, ужасной усталости и 10-ти дней, вырванных у «Начала века» для переработки романа «Маски», я боюсь, что хвостик рукописи не успею закончить к 15 декабря (срок подачи по контракту); я просил бы отсрочить, обязуясь в крайний срок до 15 января 31 года представить рукопись.

Если бы даже я и справился к 15-му декабря, ремингтонистка моя не успела бы набрать.

Если кончу ранее 15 января работу, — представлю.

Осенью на случай опоздания на месяц я говорил об отсрочке с тов. Соловьевым; и он в принципе охотно шел на месячную отсрочку.

В крайнем случае я мог бы представить $\frac{3}{4}$ текста в готовом виде к 15-ому декабря без окончания, которое в переработке.

Извиняюсь за столь длинное письмо.

Остаюсь с уважением

Борис Бугаев (А. Белый)

Кузино. 24 ноября 30 г.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21; машинописная копия). В единице есть и машинописная копия письма заведующему набором романа «Маски», с датой 24 ноября 1930. В нем Белый настаивает на важности принципа ритма и расстава в своей прозе и приводит много примеров, как нужно и как нельзя печатать текст романа. В письме он пишет:

Считаю нужным поставить Вас в известность о некоторых приемах при наборе и правке моего романа «Маски», без которых и Вам, и мне не избежать лишних хлопот; мои указания продиктованы опытом. Печатаю роман «Москва» (первый том) в «Федерации», я делал те же указания.

1) Роман «Маски», не проза, а стихи, написанные размером $\text{♩} - \text{♩} - \text{♩}$ (дактилем), где каждый слог имеет звуковой эффект, так что слова «скорей», «видней» (два слога - $\text{♩} / - \text{♩}$) не звучат, как «скорее», «виднее» (- $\text{♩} -$), где три слога. Подчиняя текст размеру, я произвольно для размера ставлю слова то сокращенными («столетье»), то ставлю их без сокращения («столетие»). Очень часто наборщики совсем не считают с окончанием слов; и набирают, не вчитываясь в текст; тогда авторская правка сводится к перенабору всего; приходится делать тысячи лишних поправок,

ибо нарушать ритм, значит калечить роман, а переправлять все равно, что набирать заново; это и дорого «Издательству», и лишний труд корректору, и рабочим.

Вот почему я оговариваю заранее это необходимое условие текста: все внимание обращать на окончание слова; я пишу то «Иван Иванович», то «Иван Иванович»; были случаи, что корректора выравнивали по одному принципу: то все по «ыч», то по — «ович».

Принцип здесь не формальный, а музыкальный: принцип произношения автором; набирать так, как стоит; коли «Сергевна» — «Сергевна», а коль «Сергеевна», то «Сергеевна». Опыт с печатанием прошлых романов опять таки для избежания ненужных усилий заставляет меня оговорить и это.

2) На иных двусмысленных словах я ставлю ударение «*пóб бокóм*»; или при первом упоминании фамилии ставлю «*Титéлев*», чтобы не прочли «*Титéлев*».

3) Стихи пишут расставом слов: короткими строчками; для экономии лишь места я сливаю строчки в непрерывность строки; но там, где стоит интонационный *подчёрк* (голосовое подчеркивание), я выделяю интонацию графически; в предлагаемом тексте она во многом сокращена; и расстав строк упрощен; они слиты в непрерывную строку прозы; все же в ряде мест остался расстав; и опять-таки: опыт показал, что необходимо оговорить набор расстава: набирать его так, как набирают строфы стихов, сохраняя расстав автора, т.е. *УЗОР СТРОК* (начертательный) [следуют примеры. — *Публ.*].

Пишу это потому, что без оговорки наборщики часто, либо не считаясь с расставом, сливают его, нарушая интонацию автора; автор на это не может идти; для него это все равно, что набирать текст — без знаков препинания; расстав слов для него — *пауза*, особый, им введенный, знак интонации, падающий, подчеркивающий читателю куски фразы, как в строчке стихов.

Иногда же наборщики, сохраняя расстав, произвольно меняют начертание строк; получается деформация; это то же, что строчки

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог» —

расставить:

«Мой дядя самых честных правил, когда не
В
Шутку занемог»...

Совершенно меняется интонация.

Когда я печатал свои худож[ественные] произведения в «Федерации» или в «Никитинских Субботниках», я, отдавая рукопись, делал эти указания, ибо опыт показал: без них терпит, или *АВТОР*, или «ИЗДАТЕЛЬСТВО»: «АВТОР» — уничтожая,

все им написанное; «ИЗДАТЕЛЬСТВО» — перебирая заново текст.

Форма моих романов вся рассчитана на *рассказывающего* автора, который передает свой голос расставом слов и ритмом (напевом). /.../ Извиняюсь, уважаемый товарищ, что удручаю Вас всеми этими подробностями; но набирать роман-поэму в 25 листов печатных — не шутка /.../

P.S. За оглавление «главок» я не стою; не стою за то, чтобы заглавие глав печаталось на отдельном листе; непременно на заглавном листе отметить, что «Маски» — 2-ой том «Москвы».

IV

Переписка вокруг издания «Начало века»

В начале 1931 рукопись «Начала века» была сдана в Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ) и долгое время оставалась там без движения. Осенью Белый получил следующий ответ на не дошедшее до нас письмо свое Василию Ивановичу Соловьеву (1890-1939), перому директору ГИХЛ'а:

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Простите, что с опозданием отвечаю на Ваше письмо.

С первых же строк должен совершенно категорически заверить Вас, что решительно никаких оснований допускать мысль о каком-то особом (очевидно, отрицательном) отношении к Андрею Белому быть не может.

Мы с интересом взяли за издание Ваших «Масок». Первые гранки Вы уже получили. В ближайшее время будет послана очередная порция, но что издание подвигается не так быстро, как бы это хотелось Вам и нам, объясняется общим напряжением в издательском и полиграфическом деле.

Точно так же и «Начало века» задерживается сейчас только редакцией. Думаю, что во второй половине ноября мы сможем договориться с Вами об окончательном тексте и тогда книга пойдет в производство немедленно.

Надеюсь также, что Ваша работа над Гоголем даст нам возможность получить и эту обещанную рукопись своевременно.

Если Вы извинялись за нервный тон письма, то я прошу извинения за сухой тон, но еще раз разрешите заверить, что мы делаем все возможное, чтобы Ваши книги вышли в наикратчайший срок.

С приветом,
[подпись Соловьева]

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.340). Можно датировать письмо в связи с упоминанием гранок романа «Маски», которые Белый начал получать в октябре 1931: см. записку — Л.14 в этой же единице хранения.

3 ноября 1931 Белый писал В.П. Полонскому: «7 месяцев рукопись лежала зарезанной цензурой, пока В.И. Соловьев ее не передал другому цензору, нашедшему, что книга вполне цензурна, но требует ретушей» (РГАЛИ. Ф.1328. Оп.1. Ед.хр.39; письмо опубли. с невероятным количеством ошибок в кн. «Перспектива-87» — М., 1988. С.500). Белый занимался «ретушами» в феврале-мае 1932. 5 мая он представил в издательство первую часть заново «отремингтонированного» текста и написал И.А. Сацу, ранее сформулировавшему издательские требования к книге:

Глубокоуважаемый Игорь Александрович,
я внимательно прошелся по списку Ваших указаний мне; и все, что мог, сделал, чтобы книга выглядела приемлемой; кроме того: я всюду особенно подчеркнул, 1) что описываемые факты отделены от нас 25-летием, 2) что приводимые мои макетцы взглядов — отнюдь не показ моего «сredo», а показ юношеских стремлений, часто курьезной путаницы, которой я не разделяю в настоящее время; 3) я «овнятил» кажущееся невнятным, что, увы, повело к разжевыванию и иногда к удлинению текста.

Легче всего мне было изменить текст в смысле «цензурном»; но Вы не представляете себе, сколько возни мне пришлось затратить, чтобы художественно впаять новые варианты так, чтобы не видно было спешных и в художественном смысле пустых заплат.

И тут была работа адская: я справился только с двумя главами; надеюсь к 10-му справиться с и 2-ой половиной; но раньше не могу; ведь изменение в одном месте взвевает изменение в 10 местах; рукопись моя стала и так во многих местах трудной для набора; ведь ужасно править по ремингтонному тексту; ряд страниц пришлось переписать от руки: что могла, переписала жена; частью переписывал я (у меня рука хуже). Машинки — нет; отдавать в переписку и нет времени, и дорого.

Но я надеюсь, что теперь текст не внушает недоумений.

Чтобы подчеркнуть установку автора, я написал объяснительное предисловие; кроме того: ради архитектоники кое-что перенес из одного места в другое; и нумерация страниц стала иной. На всякий случай указываю Вам список страниц с изменением текста. Очень прошу передать тов. Копяткевичу, что через 3-4 дня принесу и обе последние главы; сегодня сдаю $1/2$ работы. Медлительность от вынужденной художественной переработки, вытекающей из вставок; иначе рукопись будет в заплатах. Надеюсь, что вторично мне не придется производить этой усидчивой рабо-

ты, — тем более, что дел уйма; и главное: я должен отложить Гоголя, с которым так много возни.

Обращаю Ваше внимание на следующие места. Стр. 1-15 (предисловие); стр.31, стр.51-70 (почти заново писанный отрывок «Студент Кобылинский», отводящий Эллиса от марксизма); стр.106; стр.140-141, стр.173-184 (в этой новой главке я соединил в одно ряд поправочных указаний, мне сделанных, руководствуясь тем, чтобы отделить прошлое от настоящего).

Таковы поправки в первой главе.

«Глава вторая».

Начало второй главы пришлось все заново переработать, чтобы нужные изменения, указанные политредактурой, не казались заплатками; Вам или Елене Валериановне придется пробежать от стр.185-222, от 207-219, 223-226; но полагаю, что теперь многие моменты всей книги объяснятся сами собой при помощи этих переработок (отношение к Мережковским, в частности); далее: в главках, рисующих чету Мережковских, обратите внимание на заплатки (вписки рукой) на страницах: 271, 273, 289, 290, 291, 292, 295, 297, 300, 301.

Кроме того поправки 313, 340 (Боборыкин), 350, 353-354, 362, 368.

Если Вы пробежите отмеченные здесь страницы, то Вы увидите, какая кропотливая работа; это уже не снятие «пылинок», а в некотором смысле переработка книги в другую тональность; с правкой 3-ьей и 4-ой главы я тоже кончил; остается пересмотреть и художественно ретушировать. Надеюсь, что 9-10-го все будет готово.

Остаюсь искренне уважающий и готовый к услугам.

Б.Бугаев

P.S. Передайте Елене Валериановне содержание этого письма.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.131). Большой кусок из письма был опубликован А.В. Лавровым в комментариях к переизданию воспоминаний в 1990, с.556-557). В ГЛМ Ф.7. Оп.1. Ед.хр.35 также находим следующую записку, написанную на измятом клочке бумаги:

Глубокоуважаемый Игорь Александрович,
я сдал рукопись «Начало века» т. Мартиросову. Вас — не было.
Остаюсь готовым к услугам

Борис Бугаев

В ходе напечатания книги Белый получил предложение от редактора «Нового мира» опубликовать отрывки в журнале. Поздней весной 1933 он был вынужден писать Сацу:

Дорогой Игорь Александрович,
я узнал от тов. Мартиросова, что у Вас рукопись моя «Начало Века». Ее еще сдавали в ремингтон. Ввиду того, что уже 1 1/2 месяца назад И.М. Гронский просил доставить ему рукопись, а В.И. Соловьев просит, чтобы текст рукописи был в последней редакции, то мне крайне необходимо, чтобы скорей был ремингтон и чтобы я мог перенести правку на рукопись, предназначенную для «Нового Мира»; нельзя ли скорей ее вернуть.

Остаюсь искренне уважающий

Б.Бугаев

(ГЛМ. Ф.7. Оп.1. Ед.хр.35).

Два фрагмента из книги появились в №7-8 журнала, а книга наконец вышла в свет во второй половине ноября 1933, почти через три года после того, как Белый сдал рукопись в издательство.

V

Белый — В.В. Вишневскому

Глубокоуважаемый тов. Вишневский*,

Я просто в отчаянии, что проклятый грипп (следствие простуды на вечерне 15-го) приковал меня к дому, — да так, что неуверен, смогу ли его ликвидировать к 22-ому. А я так мечтал послушать Вашу пьесу. Но — не моя вина. Заключен дома; сижу с температурой; и, конечно, завтра было бы большим риском быть на Вашем чтении.

Верьте, до чего это мне грустно.

Остаюсь искренне опечаленный с глубоким уважением

Борис Бугаев (А.Белый)

Москва. 18-го янв[аря] 33 г.

* Простите, отчества Вашего не знаю.

(РГАЛИ. Ф.1038. Оп.1. Ед.хр.2621).

В январе 1933 Белый участвовал в обсуждении структуры группкома ГИХЛ'а и был выбран в культурно-просветительскую секцию. 15 января состоялось его выступление в Доме Герцена с докладом «Гоголь и "Мертвые души" в постановке Художественного театра». На следующий день он заболел (прения были отложены до 26 января), из-за чего не мог присутствовать на чтении «Оптимистической трагедии» Всеволода Витальевича Вишневского (1900-1951).

Письмо в издательство «Федерация»

В издательство «Федерация»

Мне неприятно, что несколько гриппов и ряд дел, которые считал для себя обязательной нагрузкой в общественном порядке (6 отданных вечеров), две статьи для И.М. Гронского и т.д. уже полтора месяца выбили меня из рабочей колеи (работы для «Федерации») до такой степени, что с месяц я, главным образом, болею, а не работаю; иначе я бы во-время обратился к Вам с соответствующим заявлением, т.е. с просьбой о трехмесячной отсрочке срока подачи рукописи (считая ее до 1 апреля); повторяю: с ноябрьского пленума мне буквально *не дают работать* в Москве; я же работаю медленно, т.е. — *художественно*.

Не далее, как дней 8 назад, я говорил у И.М. Гронского с тов. Цыпиным о том, что нуждаюсь в отдыхе и прошу его, как заведующего «Федерацией», разрешить мне отсрочку. Он дал мне понять, что просимая отсрочка — пустяк, не требующий размышлений.

Но и в пустяках я требователен к себе, — хотя бы для того, чтобы не получать заявлений вроде полученного.

Сейчас я 1) едва двигаюсь (полубольной), 2) нахожусь при большой жене, в условиях, недопустимых для работы (без жилищности, телефона и т.д.); мне даже нет возможности явиться самому в «Федерацию», ибо человек — не машина, — тем более, что я полагал, что объяснение, данное т.Цыпину, уже объяснение, а не формальное его выявление — не слишком великая вещь, когда человек болен.

К сожалению, я ошибся; поправляюсь, то поспешу исправить ошибку.

Кроме того: считаю нужным заявить, что из 3000 рублей (25%), которые «Федерация» должна была мне уплатить при подписании договора (прошло 6 1/2 месяцев), я не дополучил 1200 рублей, которые мне нужны, чтобы восстановить силы свои и жены и смочь выполнить обязательство — и при отсрочке; 4/5 работы мной выполнено уже 1 1/2 месяца назад.

И: кроме того: я серьезно прошу «Федерацию» меня обеспечить бумагой и для ремингтона, и для писания (ибо я все черновики, многочисленные, пишу сам); до сих пор по ордерам «Федерации» или *не выдавали* бумаги, или давали негодную для работы.

А дежурить днями при бумаге — значит: не работать, этой роскоши я себе позволить не могу.

Обязательство выполняемо при наличии бумаги, а коли ее не получаешь, то — как же его выполнить?

Борис Бугаев (Андрей Белый)

Москва.

18 февраля 1933 года.

P.S. В присланном мне уведомлении неразборчива подпись, а потому отвечаю безлично. Разговаривая на днях с т.Цыпиным, я полагал, что разговариваю с Заведующим издательством «Федерация».

P.P.S. Сообщаю, что мое имя и отчество

Б-о-р-и-с Н-и-к-о-л-а-е-в-и-ч

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21)

Машинопись с пометами Зайцева. В конце письма Зайцев приписал следующее:

Поводом для письма Бор[иса] Ник[олаевича] была официальная бумажка от и-ва «Федерация», написанная на бланке издательства:

13 февраля 1933 г.

А. БЕЛОМУ.

Уважаемый товарищ!

Согласно заключенного 22/VIII договора за №1208 Вы должны были к 1/11-33 г. сдать из-ву 1 том Ваших мемуаров. До сего времени никакого материала мы от Вас не получали.

Просьба поторопиться со сдачей рукописи и сообщить о причинах задержки ее.

Зав. из-вом Л.Шмит [Лазарь Шмит,
отчество его не помню. П.З.]
Секретарь Н.Свешникова

К этому Зайцев дал другое примечание:

ПРИМЕЧАНИЕ: 19 февраля 1933 г., когда я зашел к Бор.Ник. в Долгий, он — с криком — жаловался на издательство «Федерация». Показал мне полученную из канцелярии из-ва официальную бумажку, совершенно канцелярского, а не редакционного порядка. Бумажка всем своим тоном, содержанием — и — формой вызвала у него крик боли и негодования. Ответом на эту бумажку и является письмо Бор. Ник. Бугаева.

«Н.Свешникова» — техническая секретарша редакции из-ва «Федерация», это Нина Алексеевна Свешникова, работавшая еще в «Круге», при Воронском и Тихонове Ал.Ник. и хорошо знавшая Бор.Ник., хорошо и внимательно к нему относившаяся. Она знала, что Андрей Белый — это Борис Николаевич Бугаев. Но она выполняла поручение начальства...

VII

Письмо Н.Н. Накорякову, директору ГИХЛ'а

Москва, 33 года.
15 августа.

Глубокоуважаемый Николай Никандрович,
Спешу Вам ответить на запросы ГИХЛ'а о том, имеются ли у меня книги, которые я мог бы предложить Вам в течение 33-34 годов. Последний запрос был от 3-го августа.

Проживая на отдыхе в Коктебеле, я не мог на него ответить. Спешу Вас уведомить, что я мог бы предложить ГИХЛ'у издать трилогию моих воспоминаний: «На рубеже двух столетий» (последнее издание разошлось в месяц), «Начало века» (когда первое издание исчерпается) и 3-й том «Между двух революций». Последний том был дан мною «Федерации» в прошлом году летом, когда в ГИХЛ'е не было бумаги (до Вашего руководства ГИХЛ'ом, при тов. Копяткевиче).

Чувствуя себя связанным с ГИХЛ'ом, я конечно отдал бы эту книгу Вам, уведомив «Федерацию» об этом — при условии, если сам ГИХЛ выплатит «Федерации» 3000 рублей, данные ею в прошлом году в виде аванса мне. Это меня тем более устроило бы, что заведующий институтом Физметодов лечения в Коктебеле, д-р Славолубов констатировал глубочайшее нервное истощение у меня и советовал мне на несколько месяцев воздержаться от лит-работы и всякой нагрузки, о чем имеется у меня свидетельство доктора.

В ожидании Вашего ответа, остаюсь готовый к услугам
Борис Бугаев

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21. Машинописная копия)

VIII

Письмо в ГИХЛ по поводу «Мастерства Гоголя»

Глубокоуважаемая Клавдия Павловна,
корректурa книги «Мастерство Гоголя» была готова еще 1-го сентября; но посыльная девушка из «ГИХЛ'а» к сроку не явилась за ней; опоздание — не по моей вине; ввиду болезни и всяческих

«режимов» я пока сижу дома¹; и возвращаю корректуру через посредство П.Н. Зайцева. Повторяю: опоздание — не по моей вине.

Примите уверение в совершенном уважении

Борис Бугаев

Москва. 3 сент[ября] 33 года.

(РГАЛИ. Ф.53. Оп.6. Ед.хр.21)

О книге «Мастерство Гоголя» см. прим.4 к письму №65 Белого Зайцеву.

¹ 28 августа 1933 Б.В. Томашевский писал М.С. Волошиной из Ленинграда: «Проезжая через Москву, посетили Бугаевых, Борис Николаевич все еще не оправился и по предписанию невропатолога посажен на строгий режим. Работать ему не позволено» (Пушкинский Дом. С.230). 16 сентября Белый писал Томашевским: «И в Москве я продолжаю заниматься тем же организованным бездельем, предписанным доктором, взявшим в ежовые рукавицы» (Там же. С.236).

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

В ноябре 1932 Белый получил приглашение от издательства «Федерация» участвовать в готовящемся сборнике «Сто портретов советских писателей»: «В сборнике будут помещены: 1. Фотография или зарисовка писателя. 2. Автобиография. 3. Библиография». Об автобиографической справке издательством было указано: «Она должна быть написана не столько в плане биографической справки, сколько должна показывать ваш творческий путь за годы революции (эволюция жанра, сюжета, переход на новую тематику, смена "героев", переоценка творческих установок и др.), развитие ваших взглядов на роль писателя в социалистической стране, ваше непосредственное участие в гражданской войне и социалистическом строительстве. Попутно считаем чрезвычайно желательным, чтобы вы рассказали о ваших творческих намерениях, вашу оценку современного этапа литературного развития и оценку перспектив советской литературы. Размер автобиографии 5-6 тыс. печатных знаков».

Белый написал автобиографию 12 ноября 1933. Издание не состоялось.

Рукопись автобиографии (4л., написана рукой К.Н. Бугаевой) и машинопись (5 л.) хранятся в РГАЛИ. Ф.53. Оп.3. Ед.хр.18 (есть и черновой автограф в РНБ. Ф.60. №35; там же находится и письмо-приглашение от издательства. На автографе К.Н. Бугаева писала: «Сокращение [в тексте] — для получения указанного в предположении изд-ва количества печатных знаков»). Текст рукописи печатается впервые. Все «особенности» стиля Белого сохранены.